

Фабий Пиктор и Дельфы

Ольга В. Сидорович

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, varro52@mail.ru*

Аннотация. Фабий Пиктор – первый римский историк, происходил из знатного сенаторского рода, который возводил своих предков ко времени до основания Рима. Данная статья посвящена анализу одного из эпизодов биографии Пиктора, связанного с его посольской миссией в Дельфах в 216 г. до н. э. после поражения римлян при Каннах. Ответ на вопрос, почему сенат поручил эту миссию Фабию Пиктору, кроется в выдающемся положении в сенате его кузена Квинта Фабия Максима Веррукоза (Кунктатора). Занимая ведущее положение в военно-политической и религиозной сферах жизни Римской республики, он убедил сенат в надежности кандидатуры своего родственника для выполнения ответственного поручения. Фабий Пиктор был удобной фигурой: опираясь на дипломатический и религиозный опыт своих предков, он в то же время не обладал известностью за пределами Рима, как его родственник и современник – Веррукоз Кунктатор. Поездка Фабия в Дельфы не имела статуса официального посольства, а была частным поручением, возложенным на него сенатом. В то же время знакомство с культом Аполлона Дельфийского повлияло на формирование представлений историка об отдаленном прошлом Рима, которые он отразил в своем сочинении. От Пиктора берет начало каноническая версия древнейшей римской истории с правлением семи царей.

Ключевые слова: Фабий Пиктор, Дельфийский оракул, Квинт Фабий Максим Веррукоз, посольство сената в Дельфы, список римских царей

Для цитирования: Сидорович О.В. Фабий Пиктор и Дельфы // Вестник РГТУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 5. С. 113–129. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-113-129

Fabius Pictor and Delphi

Olga V. Sidorovich

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, varro52@mail.ru*

Abstract. Fabius Pictor was the first Roman to write the history of his City. He came from one of the most distinguished noble families, which traced its origins back to the beginning of Rome. The article deals with one of the episodes of Pictor's biography – his visit to Delphi in 216 B.C. after the defeat of the Romans at Cannae. The answer to the question of why the Senate entrusted this mission to Fabius Pictor lies in the outstanding position in the Senate of his cousin Quintus Fabius Maximus (Cunctator). Holding a leading position in the military-political and religious spheres of life in the Roman Republic, he convinced the Senate of the reliability of his relative's candidacy to carry out the highly sensitive task. Fabius Pictor was a convenient figure: he was guided by his ancestors diplomatic and religious experience, but at the same time was unknown outside Rome unlike his kinsman and contemporary – Verucius Cunctator. Pictor's visit to Delphi was not an official diplomatic mission; the Senate just charged him with a private assignment. At the same time, acquaintance with the cult of Apollo at Delphi influenced the historian's conception of the distant past of Rome, which he reflected in his work. Since then the canonic version of the earliest Roman history with the rule of seven kings takes the beginning.

Keywords: Fabius Pictor, the Delphic Oracle, Quintus Fabius Maximus Verrucosus, senate's embassy to Delphi, the Roman kings-list

For citation: Sidorovich, O.V. (2025), "Fabius Pictor and Delphi", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 113–129, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-5-113-129

Введение

Начало римской историографии было положено серьезным испытанием, которое римский народ вынес в противостоянии с армией Ганнибала. Эта ситуация мало чем отличается от той, которую пережили греки, сдерживая имперские амбиции Ахеменидов, и которая способствовала рождению «большой» историографии, оставившей на обочине магистрального историографического процесса «малую» историографию, представленную сочинениями краеведческого направления – хорографиями, аттидографиями и историями основания городов.

Первым римским историком был Квинт Фабий Пиктор, семья которого была частью клана Фабиев, входившего в политическую и военную элиту Римской республики. В биографии Пиктора хорошо засвидетельствованные источниками факты соседствуют с неустановленными точно годами его жизни. Доподлинно известно, что он был сенатором (Polyb. 3.9.4) и был отправлен с посольской миссией в Дельфы (Liv. 23.11.1-6). На этом факте его биографии мы и остановимся подробнее, поскольку он имеет непосредственное отношение к рождению римской историографии и содержанию сочинения Фабия и его последователей в той части, которая касается древнейшей истории Рима.

Фабии и их роль в Риме в III в. до н. э.

Прежде всего следует ответить на два вопроса: почему выбор сената пал на Пиктора и какую роль он играл в этом мероприятии? Для ответа на первый вопрос логично обратиться к истории рода Фабиев, которая уходит своими корнями ко времени до основания Рима (Ovid. Fasti. 2.359-380)¹, однако в нашем случае достаточно ограничиться непосредственными предшественниками и современниками Пиктора и обратить внимание на их положение в государстве. Это в первую очередь Квинт Фабий Максим Руллиан, который впервые появляется в историческом повествовании в период Второй Самнитской войны, и Фабий Максим Веррукоз. Даже беглый взгляд на *cursus honorum* Руллиана позволяет говорить о его выдающихся заслугах: пятикратный консул (Liv. 10.24.1), диктатор 315 г.² (Liv. 9.22.1), цензор 304 г. Свидетельства о нем исходят от Фабия Пиктора, его родственника по боковой линии, который мог слышать рассказы о Второй и точно – о Третьей Самнитских войнах от их непосредственных участников. Помимо устной традиции об этом времени Пиктору были доступны и письменные свидетельства в виде семейных записей и общественных хроник. Г. Форсайт обратил внимание на присутствие в рассказе Ливия об этих событиях нескольких топонимов, которые появляются в рассказах о военных кампаниях Рима в Самнии [Forsythe 2005, p. 295]. По его мнению, названия этих, прежде никому не известных, мест происходят из понтификальных записей и совершенно определено – из семейных преданий, в которых с гордостью перечислялись все укрепленные места, взятые представителями клана, как свидетельства их боевых подвигов.

Новым героем из рода Фабиев времени Второй Пунической войны стал Квинт Фабий Максим Веррукоз (Кунктатор), диктатор

217 г., *princeps senatus*, глава коллегии авгуров. Этот Фабий Максим хорошо известен как сторонник новой тактики ведения войны с Ганнибалом³, но для нас особый интерес представляет та сторона его биографии как государственного деятеля, которая связана с религиозной сферой. Став диктатором после поражения римской армии при Тразименском озере, он, как сообщает Ливий (22.9.7-8), созвал сенат и начал с рассуждения о божественном (*ab dis orsus*), смысл которого сводился к тому, что консул Гай Фламиний потерпел поражение из-за пренебрежения правилами богослужения (*neglegentia caerimoniarum*)⁴. Своей речью, построенной на обладании конкретными знаниями в области религии⁵, Фабий убедил сенат в необходимости обратиться к Сивиллиным книгам, что делалось крайне редко и только в случае зловещих предзнаменований (*taetra prodigia*)⁶. Продигии были разновидностью неблагоприятных знаков, которые учитывались и толковались авгурами⁷, за исключением самых сложных, когда за помощью обращались к этрусским гаруспикам (Liv. 1.55.5-6, 27.37.6; Gell. N.A. 4.5.1). Все это свидетельствует о том, что к началу Второй Пунической войны авторитет Фабия Максима в сенате основывался на его ведущей роли в военно-политической и религиозной сферах жизни Римской республики: пятикратный консул и триумфатор (Plut. Fab. 2.1), сведущий в тонкостях учений жрецов (понтификов и авгуров), отстаивающий необходимость следования религиозным нормам для поддержания *paх deorum* столь важного особенно в сложное для государства время. Сведения о нем несомненно попали в римскую историческую традицию от его родственника, хотя и по боковой линии, Фабия Пиктора, и сказались на его изображении истори-

¹ О легендарном происхождении Фабиев см.: [Wiseman 1995, pp. 10, 41].

² Все даты в статье – до н. э.

³ Состояние источников по этому вопросу проанализировано в статье: [Короленков 2017, с. 353–367].

⁴ Употребление здесь Ливием термина *caerimoniae* отсылает к книгам понтификов, частью которых были *libri caerimoniarum* (Tac. Ann. 3.58), где шла речь о священных обрядах, об участии в них жрецов и их обязанностях. Дальнейшее развитие ситуации в сенате (Liv. 22.9.9) показывает, что речь шла о не выполненном обете Марсу (*votum Marti*); наблюдение за исполнением обетов находилось в ведении коллегии понтификов.

⁵ Ливий (22.9.7) в данном случае использует выражение *edocuisse patres*, что указывает на особую осведомленность Фабия в жреческих науках.

⁶ Этот же эпизод включил в биографию Фабия Максима Плутарх (Fab. 4.4).

⁷ Подробнее см.: [MacBain 1982].

ками последующих поколений как положительного героя своего времени [Erdkamp 1992, pp. 5–29].

Сам же Квинт Фабий Пиктор приходился кузеном Фабию Максиму Кунтатору; его отец, Гай Фабий Пиктор, был консулом 269 г. [Cornell 2013, vol. 1, p. 162], что позволяет отнести семью Пикторов к патрицианским Фабиям⁸, которые вели свое происхождение от единственного уцелевшего после битвы при Кремере (479 г.) отпрыска рода Фабиев⁹. Эти свидетельства позволяют нам подойти к решению вопроса о дельфийском посольстве Фабия Пиктора, которое по-разному представлено в историографии. Как правило, Пиктор выступает в качестве главы сенатского посольства, направленного в Дельфы, поскольку к этому времени он уже был человеком почтенного возраста. О главенствующем положении Фабия Пиктора в посольстве современные историки говорят, основываясь на предположении, что он в то время был членом коллегии децемвиров для совершения священнодействий (*decemviri sacris faciundis*)¹⁰ и сам явился инициатором поездки [Мосолкин 2001, с. 144]. И только Б. Фрир прямо заявляет, что Фабий Пиктор один отправился в Дельфы [Frier 1979, p. 231]. Что же тогда представляло собой посольство в Дельфы, отправленное по решению сената в 216 г.?

Античные авторы лаконично сообщают о посольской миссии Фабия Пиктора, представляя ее как инициативу сената (Liv. 22.57.5; Plut. Fab. 18.3; App. Han. 27). Конечно, решения такого рода принимал сенат, но вот Плутарх, говоря об отправке Пик-

---

⁸ Правда, сам Фабий Пиктор, по всей видимости, достиг только преутуры, а его сын, тоже Квинт Фабий Пиктор, в 189 г. стал *praetor peregrinus*, то есть политические карьеры обоих не увенчались консулатами; это значит, что Фабии Пикторы в течение двух поколений понизили свой статус с консульской семьи до преторской. Подробнее об этом см.: [Walter 2004, p. 230].

⁹ Liv. 2.50.11; 3.1.1. Гибель 300 Фабиев при Кремере стала устойчивой частью римской исторической традиции (Plut. Cam. 19; Tac. Hist. 2.91) и рассматривалась как источник последующего величия рода (Liv. 2.50.11: ...чтобы впоследствии в обстоятельствах трудных для римского народа приносить ему величайшую пользу). Свидетельства о Фабиях до этого трагического события в данном случае не рассматриваются, поскольку нуждаются в специальном исследовании, чтобы понять, какая историческая реальность скрывается за ними.

¹⁰ [Cornell 2013, vol. 1, p. 161]. См. также: *Münzer Fr. Q. Fabius Pictor* (No. 126) // *Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft von Pauly-Wissowa*. Stuttgart, 1909. Bd. 6. Sp. 1837.

тора в Дельфы, подчеркивает его родственные связи с Максимом Веррукозом, что позволяет думать о роли последнего в поручении дельфийской миссии будущему историку¹¹. Наиболее подробно об этом событии рассказывает Тит Ливий, причем повествование Ливия, по сути дела, воспроизводит отчет, который сам Пиктор представил сенату по возвращении из поездки. В нем содержится указание на процедуру прорицания, свидетелем и участником которой был Фабий Пиктор. Выясняется, что Фабий был допущен в прорицалище¹², сам обращался к оракулу и совершал необходимые жертвоприношения до и после консультации со жрицей, сам записал ответ пифии, данный в стихотворной форме, а вернувшись в Рим, прочел в сенате запись ответа и перевел ее на родной язык¹³. Насколько действия Пиктора соответствовали существовавшей практике общения посетителя со жрицей?

Дельфийский оракул и обращение к нему римлян

Известно, что к Дельфийскому оракулу обращались как по государственным, так и по частным делам, а доступ к нему был достаточно свободен. И все же, как замечает О.В. Кулишова, изъяснение божественной воли не являлось публичным зрелищем [Кулишова 2001, с. 83]. Обращаясь к источникам, исследовательница отмечает важные моменты процедуры прорицания в Дельфах: предсказания давались в помещении храма во внутренней части святилища, предварялись омовением и жертвоприношением и внесением соответствующей платы [Кулишова 2001, с. 87–93]. Из рассказа Фабия, в том виде как его передает Ливий, следует, что Фабий был допущен во внутреннюю часть храма и по завершении консультации с пифией «ладаном и вином совершил жертву всем богам и богиням», причем в этом ему помогал храмовый жрец (*templi antistes*). Можно только предположить, о каком храмовом

---

¹¹ В историографии под влиянием А. Альфёльди сформировалось представление о том, что Фабий Пиктор начал писать свой труд по возвращении из Греции [Alfoldi 1965, p. 170].

¹² Термином «прорицалище» греки обозначали не просто храм, но «храм вместе с находившимся внутри него пророческим духом бога» [Приходько 1996, с. 115].

¹³ Liv. 23.11.1: ...responsumque ex scripto recitavit ... (4): haec ubi ex Graeco carmine interpretata recitavit, tum dixit se oraculo egressum extemplo iis omnibus divis rem divinam ture ac vino fecisse ...

жреце – помощнике в исполнении необходимых ритуалов, идет речь. Персонал дельфийского храма включал жрецов-пророфов, в обязанности которых, кроме прочих, входила письменная фиксация произнесенных пифией пророчеств¹⁴. Скорее всего, этот жрец помог Фабия записать пророчество и далее руководил действиями римлянина вплоть до того, как тот сел на корабль и прибыл в Рим: речь идет о лавровом венке (*laurea corona*), которым был увенчан Фабий как паломник и который он возложил на алтарь Аполлона в Риме¹⁵.

Процедура общения Фабия с оракулом дельфийского святилища, переданная Ливием, отражает практику конца III в. Конечно, она не оставалась неизменной на протяжении многовековой истории храма Аполлона в Дельфах, но основные правила поведения паломников сохранялись в неизменном виде. Можно ли говорить о каких-либо вариантах общения посетителей, заинтересованных в получении оракула, с прорицательницей? Распространялись ли эти правила и на другие святилища Аполлона, в которых также совершались прорицания? Для этого необходимо выяснить, какие способы общения с оракулами Аполлона существовали в древности.

Известно, что спартанские цари выбирали по два пифия для отправки их послами в Дельфы. Они доставляли царям записи изречений оракула, знание которых не выходило за пределы этого узкого круга лиц – самих царей и их посланников (Hdt. 6.57). Так же поступал и лидийский царь Крез, отправляя послов для общения с дельфийским оракулом: послы входили в священный покой, вопрошали бога и сами записывали изречения пифии (Hdt. 1.46-48). Они же вносили плату, предвзяруя свой вопрос оракулу (Hdt. 1.53). В Беотии находился храм Аполлона Птойского, в котором также существовало прорицалище. Именно туда пришел посланник Мардония, по имени Мис, в сопровождении трех выбранных общиной людей для записи прорицаний. Далее о случившемся в храме Геродот (8.135) рассказывает следующее: главный жрец изрек оракул, а Мис выхватил у своих провожатых дощечку для записи и записал на ней слова прорицателя. Поступок Миса можно воспринять как процедурное нарушение, но объясняется он тем, что сопровождавшие его беотийцы не поняли прорицателя, который говорил на неизвестном им языке – карийском, по признанию самого Миса. Дважды побы-

¹⁴ Подробнее о составе дельфийского жречества и его функциях см.: [Кулишова 2001, с. 108–122].

¹⁵ Liv. 23.11.5: *iussumque ab templi antistite, sicut coronatus laurea corona et oraculum adisset et rem divinam fecisset... (6) ...cum summa religione ac diligentia exsecutum coronam Romae in aram Apollinis deposuisse.*

вал с посольской миссией в Дельфах спартанец Ликург, о чем источники передают схожие сведения. По свидетельству Геродота (1.65), Ликург вошел в святилище и услышал изречение из уст пифии, в котором он уподоблялся бессмертному богу¹⁶. В повествовании Плутарха (Лус. 5) это было первое посещение Ликургом Дельф, где пифия назвала его «боголюбезным» и обещала даровать спартамцам наилучшие порядки. Второй раз он отправился к оракулу, осуществив свои преобразования (Plut. Лус. 29): прибыв в Дельфы, он принес жертву, обратился к богу и сам записал прорицание.

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что процедура общения с оракулом, хотя и требовала соблюдения определенных норм (как, например, выбор людей, специально подготовленных для записи изречений), но допускала отступления от них, когда лицо, заинтересованное в получении прорицания, непосредственно вступало в контакт с пифией, беря на себя и принесение жертвы, и запись изречения оракула. При этом, конечно, во всех перечисленных случаях за кадром остается помощь, которую паломникам оказывали жрецы из храмового персонала.

Тит Ливий относил практику общения римлян с Дельфийским оракулом ко времени до установления республики. Первый случай отправки посольства в Дельфы связан с желанием Тарквиния Гордого получить ответ, объясняющий страшное знамение, случившееся в царском доме (Liv. 1.56.4)¹⁷. Послами к оракулу он отправил двух своих сыновей и племянника по женской линии Юния Брута, не смея доверить таблички с ответами никому другому¹⁸. Получив прорицания, они принесли дары богу, причем сделали это самостоятельно, без помощи со стороны храмового персонала. Возможно, что и с пифией послы общались непосредственно: ведь выполнив задание царя Тарквиния Гордого, они обратились к божеству за ответом на интересующий лично их вопрос о будущем правителе Рима (Liv. 1.56.9-10; Dionys. 4.69.3). Второй случай обращения римлян к оракулу Аполлона связан с осадой этрусского города Веи и не отмечен никакими подробностями общения с пифией: послы, отправленные в Дельфы, привезли ответ оракула (Liv. 5.15.5, 16.8; Dionys. 12.12, 16). В третий раз римляне советовались с Аполлоном Пифийским во время Самнитских войн: по совету бога в Риме

---

¹⁶ О том же рассказывает Ксенофонт (Apol., 15): «Не знаю, как мне назвать тебя – богом или человеком» (пер. С.И. Соболевского).

¹⁷ Дионисий (4.69.2) называет иную причину отправки посольства к Дельфийскому оракулу – болезнь, поразившую женщин и детей.

¹⁸ Liv. 1.56.6: neque responsa sortium ulli alii committere ausus; Val. Max. 7.3.2.

были поставлены статуи Пифагору и Алкивиаду (Plin. N.H. 34.26; Plut. Numa 8.20)¹⁹. Интересно, что из всех оракулов Аполлона, существовавших в греческом мире, римляне отдавали предпочтение именно дельфийскому. Возможно практика обращения римлян к оракулу в Дельфах (будь то легендарная или реальная), о которой пишут и Ливий, и греческие авторы, восходит к сложившемуся в античном мире представлению, основанному на рассказе Геродота (1.46-53), о прорицаниях дельфийского оракула как единственно правдивых. Стремление же римлян связать свою историю с Дельфами возникло не ранее конца III в. и связано с готовностью видеть себя частью греческого мира [Gruen 1990, p. 9].

В трех приведенных выше случаях не отмечены никакие подробности общения римских посланников с пифией или с дельфийскими жрецами за исключением указания, в случае с Тарквинием, на ближайших родственников как исполнителей ответственного поручения. В этом отношении данная ситуация схожа с обстоятельствами, которые способствовали выбору Фабия Пиктора послом в Дельфы – родство с влиятельным политиком помогло решить вопрос в его пользу.

Возвращаясь к рассказу Ливия о дельфийской миссии Фабия Пиктора, следует отметить, что поведение Фабия больше всего походит на действия Ликурга, что позволяет предположить, что в обоих случаях мы имеем дело с визитами, целью которых было выяснение необходимых действий со стороны представителя государства в критические для этого государства моменты – введения нового конституционного порядка (как это было в Спарте) или обретения уверенности в своих силах после тяжелейшего поражения, которое римляне потерпели от армии Ганнибала.

Участие Фабиев в посольских миссиях и назначение Пиктора послом в Дельфы

Тот факт, что выбор в 216 г. пал на Фабия Пиктора, очевидно, был также подготовлен предшествовавшей практикой успешного участия представителей рода Фабиев в посольских миссиях. Первым надежным свидетельством этого является обмен посольствами между Римом и Египтом в 273 г. В «Истории» Ливия этот эпизод фигурировал в утраченной второй декаде, а в периптохе сохранилось

---

¹⁹ Скорее всего, статуи Алкивиада и Пифагора появились в Риме как военные трофеи, вывезенные после очередной кампании против южноиталийских греков [Wallace 1990, p. 289].

упоминание самого факта заключения союза с Птолемеем (Дионисий Галикарнасский называет его Филадельфом), царем египетским²⁰. У Дионисия (20.14.1-2) присутствует подробный рассказ о римском посольстве в Египет с указанием имен участников в такой последовательности: Нумерий Фабий Пиктор, Квинт Фабий Максим и Квинт Огульний. Главой посольства должен был быть Кв. Фабий Максим Гургит²¹, дважды консул, цензор, триумфатор, который очевидно был *princeps senatus* во время отправки посольства²². Нумерий Фабий Пиктор, возможно, был дадей историка Фабия Пиктора; третьим в этой группе был Квинт Огульний с когноменом Галл (Gallus) [Forsythe 2005, p. 358]. Далее Дионисий повествует о том, как были приняты в сенате вернувшиеся из Египта послы: полученные ими от царя дары, которые они намеревались внести в государственную казну, сенаторы вернули послам как награду за доблесть – так высоко они оценили результат переговоров с египетским царем. По мнению А. Лампелы, результатом проведенных переговоров явилось заключение договора о дружбе (*foedus amicitiae*), инициатором которого выступил Птолемей II [Lampela 1998, pp. 17–19, 33–34]. Эта история свидетельствует о том, что отдельные представители рода Фабиев не только занимали ведущие позиции в сенате, но и брали на себя выполнение посольских миссий, добиваясь внушительных результатов²³.

Если углубиться в историю, можно найти еще одну посольскую миссию Фабиев. Речь идет о посольстве, которое состояло из трех сыновей Марка Фабия Амбуста²⁴, великого понтифика (Liv. 5.41.3), и было отправлено к галлам с целью уговорить их не нападать на этрусский город Клузий. Однако поведение послов было расценено галльской стороной как осквернение права народов (*ius*

²⁰ Liv. Per. 14: cum Ptolemaeo, Aegypti rege, societas iuncta est.

²¹ Именно так он назван Валерием Максимом (4.3.9), который ставит его на первое место, а следующим называет Нумерия Фабия Пиктора.

²² Plin. N.H. 7.133: una <familia> Fabiorum, in qua tres continui princeps senatus, M. Fabius Ambustus, Fabius Rullianus filius, Q. Fabius Gurges nepos.

²³ Трудно сказать, насколько достигнутый результат был обусловлен умением Фабиев вести переговоры, а не заинтересованностью самого Птолемея в заключении договора с римлянами, которые, успешно завершив войну с Пирром, обеспечили экономическую стабильность в южноиталийском регионе, что отвечало интересам египетской торговли с городами Великой Греции. Об этом см.: [Lampela 1998, pp. 49–51].

²⁴ Это были Цезон Фабий Амбуст, Нумерий Фабий Амбуст и Квинт Фабий Амбуст. Все трое были избраны консулярными трибунами на 390 г. (Liv. 5.36.12).

gentium) и, по сути дела, спровоцировало поход галлов на Рим, который закончился захватом города в 390 г. Поскольку рассказ о том, что клузийцы, боясь вторжения галлов, обратились к римлянам с просьбой о помощи, передает только Ливий (5.35.4-6)²⁵, позволяет усомниться в достоверности посольской миссии, возложенной на представителей одного рода (из трех Фабиев в источниках по имени назван только один – Квинт Фабий Амбуст)²⁶, и в том, что она попала в ливианскую традицию из семейных преданий рода Фабиев, ведь провал посольской миссии трех Фабиев вряд ли мог способствовать прославлению всего рода. И тем не менее две детали Ливиего рассказа явно указывают на семейные предания, которые легли в основу драматического повествования. Это – поединок Квинта Фабия с галльским вождем, который завершился снятием доспехов с поверженного противника (Liv. 5.36.7)²⁷, и упоминание Марка Фабия как великого понтифика (Liv. 5.41.3). В целом же этот рассказ проецировал в прошлое дипломатическое и религиозное значение Фабиев, обретенное этим родом в III в.

Возвращаясь к дельфийской миссии Фабия Пиктора в этом контексте, можно сказать, что его назначение в сенате имело конкретного инициатора – Квинта Фабия Максима Веррукоза, который, представляя сенаторам кандидатуру своего родственника, несомненно апеллировал к дипломатической и религиозной деятельности представителей рода Фабиев в различных ситуациях и их осведомленности в подобных делах. В связи с этим можно было бы согласиться с убеждением современных историков в том, что Фабий Пиктор занимал к этому времени какую-либо религиозную должность, возможно был одним из децемвиров для совершения священнодействий, о чем речь шла выше, но подтверждений этому нет. Поэтому остается предположить, что подобная возможность,

---

²⁵ Современник Ливия Дионисий (13.12) упоминает отправку послов из Рима к галлам вне связи с просьбами клузийцев. Версию Ливия повторяет Плутарх (Camil. 17).

²⁶ О трех Фабиях говорят Ливий (5.36.5) и Плутарх (Camil. 17), тогда как Дионисий (13.12) называет Квинта Фабия одним из послов.

²⁷ Дионисий (13.12) передает этот эпизод как убийство Квинтом Фабием вождя галлов, которое случилось во время заготовки кормов варварами, а Плутарх (Camil. 17) – как стычку Фабия с галлом, которого он, видимо, принял за вождя и, убив его, начал снимать доспехи. В этом отношении только рассказ Ливия согласуется с римскими правилами проведения единоборства: сражение должно проходить вне строя и завершиться снятием доспехов с убитого вражеского полководца. Подробнее см.: [Сидорович 2005, с. 23].

высказанная некоторыми исследователями, основывается исключительно, с одной стороны, на вышеупомянутом факте обращения по инициативе Фабия Максима Веррукоза к Сивиллиным книгам, которое осуществляли децемвиры, что прочно связало имя его родственника – будущего историка – с членством в этой коллегии, а с другой – на активном содействии искушенного в религиозных вопросах Веррукоза в назначении Пиктора послом в Дельфы.

Кандидатура Фабия Пиктора действительно оказалась наиболее предпочтительной для сенаторов: Пиктор опирался на дипломатический и религиозный опыт своих предков, был известен современникам своим благочестием, знал греческий язык и был хорошо знаком с греческой культурой²⁸, но не обладал такой известностью за пределами Рима, как его родственник и современник – Веррукоз Кунктатор. В целом он был нейтральной фигурой, подходящей для осуществления деликатной миссии в Дельфах, которая позволила бы римским сенаторам обрести уверенность в практически безвыходной ситуации, сложившейся после битвы при Каннах. Скорее всего, не было никакого официального посольства в Дельфы (в противном случае оно означало бы признание со стороны римского государства своего бедственного положения, в которое оно попало после очередного поражения от Ганнибала), а Фабий Пиктор выполнял частное поручение сената. Однако общение с Дельфийским оракулом сказалось на религиозной жизни Рима. В 212 г. в Риме были учреждены ежегодно проводимые по греческому обряду игры в честь Аполлона (*Iudi Apollinares*) (*Liv.* 25.12.9-15)²⁹.

Фабий Пиктор и греки: формирование представлений о древнейшей истории Рима

Остается вернуться к началу нашего повествования и ответить на вопрос о том, как повлияла поездка в Дельфы на формирование представления первого римского историка об отдаленном прошлом своего города. Мы не знаем, когда Фабий завершил свое сочинение. По сохранившимся фрагментам можно воссоздать его структуру: легенда об Энее была у Пиктора уже частью истории Рима, а рассказ о Ромуле и Реме, которым открывается эпоха царей, представлял собой развернутое повествование, составленное в жанре

---

²⁸ Так характеризует Фабия Пиктора А. Момильяно [Momigliano 1990, p. 88].

²⁹ *Liv.* 25.12.9-10: ...*Apollini vovendos censeo ludos qui quotannis comiter Apollini fiant; ...decemviri Graeco ritu hostiis sacra faciant.*

«основания городов»³⁰. Канонический список римских царей, который мы находим в первой книге «Истории Рима» Тита Ливия, состоит из семи имен, однако, как уже неоднократно отмечалось, в действительности он был гораздо длиннее и прежде всего в той его части, которая приходилась на этрусскую династию [Alföldi 1965, pp. 72–84, 216–217; Forsythe 1994, pp. 227–244; Thomsen 1980, pp. 86–87]. Писавший по-гречески Фабий Пиктор не только ориентировался на образцы греческой историографии, но и зависел от свидетельств греков о древнейшей истории Рима. Среди греческих авторов как возможных источников Фабия Пиктора скорее следует назвать не столько упомянутого Плутархом Диокла, сколько самого авторитетного историка своего времени, имевшего обширную читательскую аудиторию – Тимея Сицилийского (356–260 гг.)³¹. Тимей не только изложил раннюю историю Рима, но и предложил дату его основания синхронную дате основания Карфагена (813 г.) [Momigliano 1977, pp. 37–66]. Судя по всему, Тимею же принадлежал список римских царей, состоявший из восьми имен, которые соответствовали 240-летнему периоду правления римской династии [Коптев 2006, с. 34–37; Koptev 2008, pp. 24–26]. Процесс трансформации царского списка из восьми имен у Тимея в список из семи имен у Фабия Пиктора подробно исследован А.В. Коптевым, который указал на причины ориентации римского историка на число «семь», бывшее священным в культе Аполлона³². Выработанная Фабием схема закрепились в римской историографии. Впоследствии Марк Теренций Варрон вместе со своим другом математиком Тарутием определил 753 г. как год основания Рима³³, доведя время существования римской династии до 244 лет.

³⁰ По свидетельству Плутарха (Rom. 3), легенду об основании Рима Ромулом Фабий заимствовал у Диокла с Пепаретоса, однако между версиями Диокла и Фабия имеются расхождения. Об «основании городов» как об особом жанре греческих исторических сочинений см.: [Сидорович 2021, с. 161–172].

³¹ Полибий наряду с критикой Тимея отмечает его положительные качества как историка (Polyb. 12.27a.3, 10.4, 25c.1, 26d.1). О причинах полемики Полибия с Тимеем см.: [Walbank 1985, p. 278].

³² А.В. Коптев также обращает внимание на то, что стремление ограничить царский список семью именами согласуется с древней римской практикой гентильной экзогамии, которая ограничивала gens шестой / седьмой степенями родства [Коптев 2006, с. 55–56; Koptev 2008, pp. 75–77].

³³ Луций Тарутий Фирман также слыл известным астрологом. Он составил гороскоп Рима (Cic. De div. 2.98) и вычислил день и час рождения Ромула (Plut. Rom. 12.3–4).

Заключение

Таким образом, дельфийская миссия Фабия Пиктора, осуществленная по инициативе его родственника – сенатора Кв. Фабия Веррукоза, восстановив рах *deorum*, придала римлянам уверенности в своих действиях и в конечном итоге способствовала наметившемуся перелому в ходе Второй Пунической войны. Одновременно она повлияла на формирование представлений рождающейся римской историографии об отдаленном прошлом своего Города: благодаря Фабию Пиктору в канонической версии римской истории утвердилось представление о царском периоде как о времени правления семи царей.

Литература

- Короленков 2017 – *Короленков А.В.* Аппиан о противостоянии Фабия Максима и Ганнибала // Пунические войны: история великого противостояния: Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном / науч. ред. О.Л. Габелко, А.В. Короленков. СПб.: Ювента, 2017. С. 353–367.
- Коптев 2006 – *Коптев А.В.* Формирование списка царей раннего Рима // Кентавр/ Centaurus. *Studia classica et mediaevalia*. М.: РГГУ, 2006. № 3. С. 31–68.
- Кулишова 2001 – *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2001. 432 с.
- Мосолкин 2001 – *Мосолкин А.В.* Фабий Пиктор и римское посольство в Дельфы в 216 г. до н. э. // Жебелевские чтения – 3: Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 г. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 140–144.
- Приходько 1996 – *Приходько Е.В.* Оракул: кто это? или что это? // Классическая филология на современном этапе: Сб. науч. статей. М.: Наследие, 1996. С. 109–119.
- Сидорович 2005 – *Сидорович О.В.* Единоборство в системе ценностей римского гражданина эпохи Республики // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2003/2004: Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 18–30.
- Сидорович 2021 – *Сидорович О.В.* «Основание городов» как вид исторических сочинений и основание Рима у Фабия Пиктора // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10. Ч. 2. С. 161–172.
- Alföldi 1965 – *Alföldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1965. 433 p. (Jerome lectures)

- Cornell 2013 – The fragments of the Roman historians / ed. by T.J. Cornell. Vol. 1: Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2013. 662 p.
- Erdkamp 1992 – *Erdkamp P.* Polybius, Livy and the Fabian strategy // *Ancient Society*. 1992. Vol. 23. P. 127–147.
- Forsythe 1994 – *Forsythe G.* The historian L. Calpurnius Piso Frugi and the Roman annalistic tradition. N.Y., L.: Lanham, 1994. 552 p.
- Forsythe 2005 – *Forsythe G.* A Critical history of early Rome. From prehistory to the First Punic War. Berkeley: University of California Press, 2005. 400 p.
- Frier 1979 – *Frier B.W.* Libri annales Pontificum Maximorum. The origins of the annalistic tradition. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1979. 368 p. (Papers and Monographs of the American Academy in Rome; vol. 27)
- Gruen 1990 – *Gruen E.S.* Studies in Greek culture and Roman policy. Leiden; N.Y.: Brill, 1990. 209 p.
- Koptev 2008 – *Koptev A.* Reconstructing the Roman king-list // *Studies in Latin literature and Roman history XIV* / ed. by C. Deroux. Bruxelles: Latomus, 2008. Vol. 315. P. 5–83.
- Lampela 1998 – *Lampela A.* Rome and the Ptolemies of Egypt: The development of their political relations, 273–80 B.C. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1998. 301 p.
- MacBain 1982 – *MacBain B.* Prodigy and expiation: A study in religion and politics in republican Rome. Bruxelles: Latomus, 1982. 140 p.
- Momigliano 1990 – *Momigliano A.* The classical foundations of modern history. Berkeley: University of California Press, 1990. 162 p. (Sather Classical Lectures; iss. 54)
- Momigliano 1977 – *Momigliano A.* Athens in the 3^d century B.C. and the discovery of Rome in the histories of Timaeus of Tauromenium // *Essays in ancient and modern historiography*. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 37–66. (Blackwell's classical studies)
- Thomsen 1980 – *Thomsen R.* King Servius Tullius. A historical synthesis. Copenhagen: Gyldendal, 1980. 347 p.
- Walbank 1985 – *Walbank F.W.* Selected papers. Studies in Greek and Roman history and historiography. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 400 p.
- Wallace 1990 – *Wallace R.W.* Hellenization and Roman Society in the late 4th century B.C.: A methodological critique // *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik* / Hrsg. W. Eder. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. P. 278–292.
- Walter 2004 – *Walter U.* Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im Republikanischen Rom. Frankfurt a/M.: Antike, 2004. 478 p. (Studien zur Alten Geschichte, Bd. 1)
- Wiseman 1995 – *Wiseman T.P.* Remus. A Roman myth. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 243 p.

References

- Alföldi, A. (1965), *Early Rome and the Latins*, University of Michigan Press, Ann Arbor, USA. (*Jerome lectures*)
- Cornell, T.J. (ed.) (2013), *The fragments of the Roman historians. Vol. 1: Introduction*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Erdkamp, P. (1992), "Polybius, Livy and the Fabian strategy", *Ancient Society*, vol. 23, pp. 5–29.
- Forsythe, G. (1994), *The historian L. Calpurnius Piso Frugi and the Roman annalistic tradition*, Lanham, New York, USA, London, UK.
- Forsythe, G. (2005), *Critical history of early Rome. From prehistory to the First Punic War*, University of California Press, Berkeley, USA.
- Frier, B.W. (1979), *Libri annales Pontificum Maximorum. The origins of the annalistic tradition*, University of Michigan Press, Ann Arbor, USA. (*Papers and Monographs of the American Academy in Rome; vol. 27*)
- Gruen, E.S. (1990), *Studies in Greek culture and Roman policy*, Brill, Leiden, Netherlands, New York, USA.
- Koptev, A.V. (2006), "The formation of the list of Early Roman kings", *Kentavr/Centaurus. Studia classica et mediaevalia*, no. 3, pp. 31–68.
- Koptev, A. (2008), "Reconstructing the Roman king-list", in Deroux, C., ed., *Studies in Latin literature and Roman history XIV*, vol. 315, pp. 5–83.
- Korolenkov, A.V. (2017), "Appian on the military confrontation between Fabius Maximus and Hannibal", in Gabelko, O.L. and Korolenkov, A.V., ed., *Punicheskie voyny: istoriya velikogo protivostoyaniya: Voennye, diplomaticheskie, ideologicheskie aspekty bor'by mezhdu Rimom i Karfagenom* [The Punic wars: A history of the great confrontation. Military, diplomatic and ideological aspects of the struggle between Rome and Carthage], Yuventa, Saint Petersburg, Russia, pp. 353–367.
- Kulishova, O.V. (2001), *Del'fiiskii orakul v sisteme antichnykh mezhgosudarstvennykh otnoshenii (VII–V vv. do n. e.)*, [The Delphic oracle in the system of ancient inter-governmental relations (7th–5th centuries BC)], Gumanitarnaya akademiya, Saint Petersburg, Russia.
- Lampela, A. (1998), *Rome and the Ptolemies of Egypt: The development of their political relations, 273–80 B.C.*, Societas Scientiarum Fennica, Helsinki, Finland.
- MacBain, B. (1982), *Prodigy and expiation: A study in religion and politics in republican Rome*, Latomus, Bruxelles, Belgium.
- Momigliano, A. (1977), "Athens in the 3d century B.C. and the discovery of Rome in the histories of Timaeus of Tauromenium", in *Essays in ancient and modern historiography*, Oxford University Press, Oxford, UK. (*Blackwell's classical studies*)
- Momigliano, A. (1990), *The classical foundations of modern history*, University of California Press, Berkeley, USA. (*Sather Classical Lectures; iss. 54*)
- Mosolkin, A.V. (2001), "Fabius Pictor and the Roman Embassy to Delphi in 216 B.C.", in *Zhebelevskie chteniya – 3: Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii 29–31 oktyabrya*

- 2001 g. [Zhebelev Readings – 3: Abstracts of the scientific conference held on 29–31 October 2001], SPbGU, Saint Petersburg, Russia, pp. 140–144.
- Prikhod'ko, H.V. (1996), “Oraculum: quis est? aut quid est?”, in *Klassicheskaya filologiya na sovremennom etape: Sbornik nauchnykh statei* [Oracle. Who is this? or What is this?], Nasledie, Moscow, Russia, pp. 109–119.
- Sidorovich, O.V. (2005), “Martial arts in the value system of a Roman citizen during the Republic era”, in *Voenno-istoricheskaya antropologiya: Ezhegodnik, 2003/2004: Novye nauchnye napravleniya* [Military and historical anthropology. A yearbook, 2003/2004. New academic approaches], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 18–30.
- Sidorovich, O.V. (2021), “ ‘Foundation tales’ as the literary form of historical writings and the foundation of Rome by Fabius Pictor”, *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, part 2, pp. 161–172.
- Thomsen, R. (1980), *King Servius Tullius. A historical synthesis*, Gyldendal, Copenhagen, Denmark.
- Walbank, F.W. (1985), *Selected papers. Studies in Greek and Roman history and historiography*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Wallace, R.W. (1990), “Hellenization and Roman Society in the late 4th century B.C.: A methodological critique”, in Eder, W., ed., *Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik*, Franz Steiner Verlag, Stuttgart, Germany, pp. 278–292.
- Walter, U. (2004), *Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im Republikanischen Rom*, Antike, Frankfurt am Main, Germany.
- Wiseman, T.P. (1995), *Remus. A Roman myth*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Информация об авторе

Ольга В. Сидорович, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6, varro52@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9832-1050

Information about the author

Olga V. Sidorovich, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; varro52@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9832-1050